
Алексей Зябликов

ИСКУССТВО ПОЛЕТА

Писательская организация
Кострома, 1998

ОТ АВТОРА

У польского поэта Рышарда Крыницкого
есть маленькое стихотворение:

Плохие стихи
Не перевоспитывают деспота.
Это касается, к сожалению, также и
хороших стихов.

Что верно то верно. Даже хороший поэт,
берущий на себя роль общественного переустро-
ителя и бичевателя дурных нравов, моментально
перестает быть хорошим.

Обаяние и вкус поэзии — в ее видимой «бес-
полезности». Поэзия — изощренная безделка,
придуманная человеком в диком приступе инфан-
тилизма и эгоизма.

Впрочем, поэзия — это не слоники на комо-
де и не кальян с гашишем, отрешающим нас от
заскорузлой повседневности.

Наша жизнь без того перепичкана иллюзи-
ями. Она величественна в своей иррационально-
сти, абсурдности. Возможно, именно поэзия с ее
упорядоченностью, гармонией и возвращает нас
к реальности, дает позабытое ощущение парения,
полета — то, для чего был рожден человек и что
он утратил в маниакальном цеплянии за землю.

* * *

Слушай, как падает снег —
И на ладони тает.
Этот грохочущий век
В прошлое отлетает, —

С будильниками Дали,
С битвами и «битлами»
Скоро исчезнет вдали,
Тяжко взмахнув крылами.

Век обратится в дым,
Пеплом и пылью станет.
Словом его каким
Век грядущий помянет?

* * *

Душа тоскует. Требуется полета
И нового крутого виража:
Звучит в лачуге русского бомжа
Оркестр американского пилота.

И сапожищем высадив фрамугу,
Летит чужак беспомощным птенцом
Туда, где все невзгоды нипочем,
Туда, где поезд ждет на Чаттанугу.

ЭПОХА «ЗАПОРОЖЦЕВ»

Кончается эпоха грампластинок.
Дожевывает времени пожар
Портреты разухабистых блондинок
На бедрах у музтрестовских гитар.

Кончается эпоха «Запорожцев»,
Сифонов, портсигаров, крем-брюле.
Уходит время чертиков и рожниц
На голубом автобусном стекле.

Закрыв глаза, у края бездны замер
Счастливый век резиновых сапог.
Кончается эпоха кинокамер
И лодочных моторов «Ветерок».

Барахтается в черных водах Леты
Дворовая хоккейная братва.
Уходят инфантильные буфеты
И бритвенные лезвия «Нева».

Как пеплом занесенная Помпея,
Где навсегда стихия погребла
Бумажного растрепанного змея
И кости доминошного козла,

Бежит эпоха в сточные канавы,
Другая — жарко дышит нам в висок
Нездешним ароматом гуайявы
И здешним — свежеструганных досок.

5

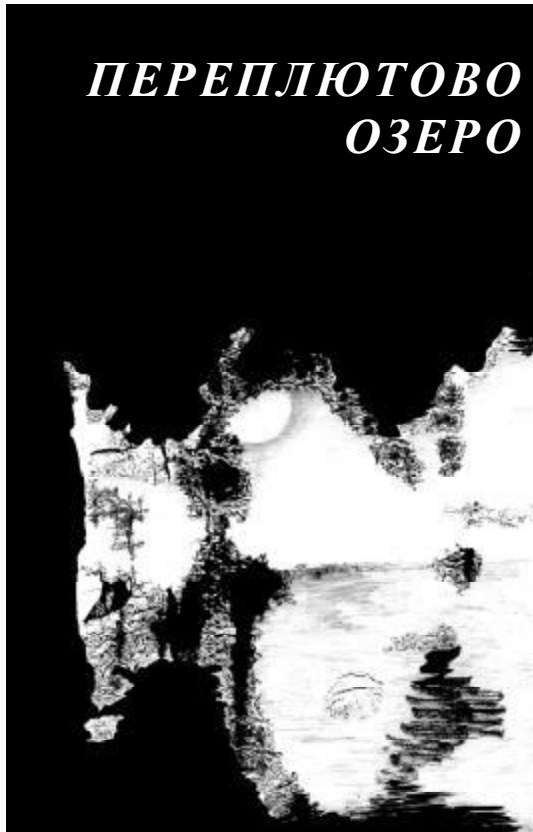
* * *

Словно в лузу, Земля несется,
На бортах прожигая след.
До исхода Пятого Солнца
Остается пятнадцать лет.
Не тащите в ковчег припасы:
Будет все гораздо страшней,
Если только в наши пампасы
Не вернется Пернатый Змей.
Похристосуемся с геенной,
Если только в седой глуши
Не отыщем сосуд священный
С изумрудным пеплом души.

* * *

Вздремните часок,
Резонеры и остряки.
Как монета на рельсе,
Предвкушающая
Тяжесть состава,
Ожидаю вашего
Комментария к комментариям.
Ваши мысли —
Незабудки,
Анютины глазки
И ноготки —
Заслужили почетное право
Называться гербарием.
Наслаждаюсь
Их неживым ароматом
И немощной
Остротой стебельков.

6

ПЕРЕПЛЮТОВО ОЗЕРО

7

* * *

Полночь. Полусонный вздох Земли.
Нервный скрип разболтанной кровати.
Скучные квадратные ноли
Светятся на мутном циферблате.

Плавают в кофейной черноте
Синими кристалликами яда,
Подводя к невидимой черте,
За которой — ничего не надо.

Острые разящие углы —
Точки в бесполезных разговорах.
Скрежет обжигающей пилы.
Звон пасхальный и змеиный шорох.

Нежное скольжение петли.
Здесь еще или уже не здесь я?
Наверху сползаются в ноли
Тусклые февральские созвездья.

ЛУНА

Луна, как марокканский апельсин!
Храня здоровый дух в здоровом теле,
Катается по зарослям осин,
Сидит на острях костлявых елей.

Проказы не доводят до добра.
Верхушка поострее — и однажды
Оранжевая лопнет кожура,
Спасая землю от похмельной жажды.

8

* * *

Свой край упрятала луна
В разрез небес.
Стряхнул с бровей остатки сна
Дремучий лес.

Над неподвижною рекой —
Туман-туман.
Мне во владение судьбой
День этот дан.

Мир от восторгов отрешен
И так велик,
Что мерит тысячами он
Своих владык.

* * *

Пар над озером нежно-розовый
И — стеной лягушачий крик.
Здравствуй, лес ты мой стоеросовый!
Я твой самый верный грибник.

Целый день проброжу с кошелкою,
Ни грибочечка не найдя,
Под поганкиной шляпкой шелковой
Спрячусь на ночь я от дождя.

9

Е.Разумову

* * *

Ночь завершает свои издевательства.
Красная сыпь на стене.
Доброе утро, ваше сиятельство!
Как вам гулялось во сне?

Вас не сломать комарьем и кошмарами —
Водите бровью хитро.
Снова, поди, пробавлялись омарами
В тихом парижском бистро.

Верно, брели переулками грустными
К тронутым ряской прудам,
И под фиксою огурчик похрустывал
В такт семимильным шагам.

Снова сажали жука колорадского
В банку из-под сардин.
Светится сполохом пламени адского
В клипсе фальшивый рубин.

С миром свои закруглив препирательства,
Дремлет амурчик в кустах.
Все-то мы с вами, ваше сиятельство,
В разных гуляем местах!

Может, сойдемся, друг другом отыщемся
Теплым июльским деньком
Возле какой-нибудь лужи селищенской
В очереди за пивком.

10

* * *

Полдень июльский. Дурман и экстаз.
Выставка ароматических уний:
Жаркий асфальт
в тонкой гамме петуний,
Сбрызнутых одеколоном «Топаз».

Полдень.
Цветов представительный форум.
В мареве — солнца янтарный цукат.
Яркие пятна афиш. Лимонад
В тумбах прозрачных горит светофором.

Полдень. Бокалов и льда ксилофон.
Шарканье туфель
и хруст целлофана.
Гомон торговки. Шипенье фонтана.
Линий трамвайных веселый трезвон.

Только бы мне
в этом буйстве соцветий,
Запахов, бликов, мелодий, шумов
Не упустить этот стук каблучков,
Не потерять глазки серые эти.

11

ВЕСЕЛКИ

«За хлеб, за соль спасибо. Может быть,
Вы тоже соберетесь к нам в поселок.
Рыбешку на озерах поудить,
Попробовать черники и веселок».

Попробовать веселок! Это что ж,
Языческого буйства отголоски?
За прялкою сидящая Мокошь
И черепа барсучьи на березке?

Знать, есть еще глухие уголки,
Где Тура и Ярилу славить рады,
Где раздувают страсти угольки
Бесстыдные славянские менады.

Где мы на углу капище могли б
Отдать Велесу в жертву свою робость...
«Да будет вам! Веселка — это гриб.
Их в нашей стороне бывает — пропасть!»

Расстаться с милой выдумкой спешу,
Глушу в себе страдальческие стоны.
Опять жую вьетнамскую лапшу,
Ловлю в консервной банке шампиньоны.

12

И все ж, когда забудусь в сладком сне, —
Румяны на лицо, на слово колки,
Нарядною ватагою ко мне
Являются охальницы-веселки.

Подолы задирают и зовут —
В глазищах синих взять и утонуть бы! —
Туда, где бог веселый Переплют
Бросает в воду камешки и судьбы.

* * *

Я в библиотеке поселковой
Частый гость. Дождливый вечером
Славно на столешнице сосновой
Разложить какой-нибудь альбом,

Полистать журналы и газеты
Под уютный говорок часов,
Перечесть шекспировы сонеты
Или костромской месяцеслов,

Отвести с любимым Фетом душу
И, отвлекшись от Упанишад,
На библиотекарьшу Танюшу
Бросить незаметно нежный взгляд.

13

Лишь последняя ария скиснет
Под шумком беззлобно-глухим,
В оживающем зале повиснет
Расписным коромыслом дым.

Дом, нагретый задорною пляской,
Закипает, как самовар.
Вьюга смотрит в окошко с опаской...
Танцы в клубе.
В сердце пожар.

* * *

Это вам не чикагские скверики —
Боговаровские леса!
Я пролетом здесь из Америки
На коралловый риф Лайсан.

Пока чинят крыло негодное
И проветривают салон,
Я свое ружьецо подводное
Обменяю на самогон.

Страхи выброшу вон ненужные,
Упаду головой в бурьян.
Без меня на пляжи жемчужные
Улетит рыжий мой чемодан.

15

ТАНЦЫ В КЛУБЕ

В. Старателеву

В клубе танцы. На улице вьюга
Вытанцовывает вальсок.
Ей бы взять в середине круга
Кавалера под локоток.

Но топорны и чопорны нравы
В этой белой уездной глуши:
Танцы-шманцы — пустые забавы,
Коли хочешь — иди, пляши!

Здесь мужчины в тверёзом все виде —
Скажут, стряхивая снежок:
На полчаса вот зашли-де,
Мимоходом. На огонек.

Дамы тоже едва не зевают —
Мол, и дома хлопот с горой, —
А меж тем — парней изучают
На предмет любви роковой.

На ухабах взлетает пластинка,
Не тревожа затекших ног.
К завершенью идет вечеринка,
А точнее, ее пролог.

14

* * *

Когда соберутся снегирь и удод
На дружеский ужин,
И озеро в сонную чащу швырнет
Горстями жемчужин,

И ведьмы ремни из железных крюков
Затянут потуже,
И сможет весна убежать от клыков
Дряхлеющей стужи,

Послышится ропот глухой у зимы
В ледовом застенке,
И выйдут на волю из белой тюрьмы
Цвета и оттенки,

На пень заберется веселый лешак
Похвастать обновой:
Жена ему вышила славно кушак
Иголкой сосновой.

Когда установят снегирь и удод
Дружить без обмана,
Когда обессиленный ветер уснет
В бутонах тюльпана,

И новый под крыльями легких стрекоз
Немедля родится,
И будет всему, что еще не сбылось,
Назначено сбыться.

16

* * *

Спаси меня от страшных снов,
Владыка мира Тру!
Корабль мой выведи из льдов,
Развей мою хандру.

Мое отчаянье услышь,
А я в глуши лесной
Слеплю — снежок подтает лишь —
Сторукий образ твой.

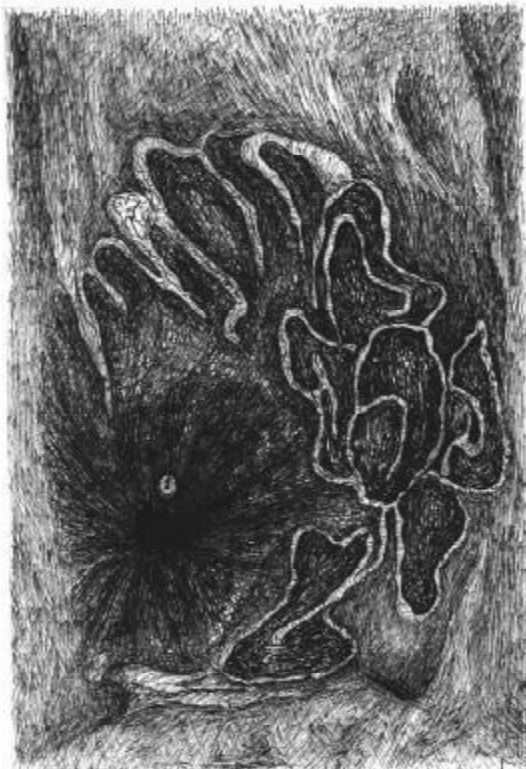
* * *

Форточка настежь открыта.
Воздух гуляет сквозной.
Синее небо прошито
Смелой строкой золотой.

Кольца на солнечной пике
Древний щекочут оклад.
Шорохи, всплески, курлыки
В комнату роем летят.

Звуки сольются в приметы,
Твой возвещая приход.
Ранней весны флажолеты.
Бульканье топких болот.

17

19

* * *

Уедем, милая, туда,
Где небо — чистая лазурь,
Где не грохочут поезда,
Где нет житейских мук и бурь.

Уедем, милая, туда,
Где лес, как сказочный чертог,
Где с гор хрустальная вода
Бежит, не ведая тревог.

Там, у большого валуна,
Где озера немая гладь,
Построим домик в три окна
И будем жить да поживать.

И будет утром нас будить
По крыше спелых яблок стук.
Туда, где некуда спешить,
Уедем, ненаглядный друг.

Уедем, милая, туда,
Где нет клаксонов и газет,
Где дни, недели и года
Бегут без видимых примет,

Где графская у сосен стать,
Где плес и синие холмы,
Где так приятно вспоминать,
Какими прежде были мы.

18

* * *

Туговат воротник. Вот-вот
Вместе с пуговицей мое счастье
Оторвется и упадет —
Разобьется внизу на части.

Осторожная теплота
Плотно клеит к спине рубашку,
Убеждая, что ты — не та,
Без кого обходиться тяжко.

Сожаления претерплю
И рукой спокойно-холодной
От себя тебя отцеплю,
Как репей от сумы походной.

Убаюкаю боль и страх,
Вспомнив бабкины приговоры.
Оставайся в своих лесах,
На платках вышивай узоры.

Мне же — прошлое сжечь дотла.
Взять аккорд хороший в мажоре...
Пропади, утони, игла,
В голубом батистовом море.

20

* * *

Вокзал — волшебное место.
Молельня Марселя Пруста.
Здесь впечатлениям тесно,
Даже если здесь пусто.

Под светлыми витражами
Обитель вздохов и звонов.
Здесь в деревянной раме —
Свод вселенских законов.

Их соблюдают строго —
Тогда убежденность крепче:
Хорошей будет дорога,
Будет счастливой встреча.

В спину ядреный локоть
Спящему беспробудно...
Здесь всегда одиноко,
Даже если здесь людно.

* * *

Густая станционная сирень.
Болотинкою тянет из канавы.
Сидел да и глазел бы целый день
На мимо проходящие составы.

Но не туда бредет упрямо взгляд:
На фоне нежно-глянцевого лазури —
Водонапорный красный зиккурат
С жилищем божества на верхотуре.

21

По дороге из Пензы в Тамбов
Отправляемся, перекрестясь:
Слишком много ладоней и лбов
Здесь впечаталось в липкую грязь.

Вдоль дороги из Пензы в Тамбов —
Частокол облетевших осин.
На дороге из Пензы в Тамбов —
Четкий след гуттаперчевых шин.

На дороге из Пензы в Тамбов —
Колес от тележных колес,
Отпечатки подошв и подков
И застывшие лужицы слез.

По дороге из Пензы в Тамбов
С молоточком прошел лиходей —
Всюду шляпки поганых грибов,
Словно шляпки обойных гвоздей.

За истрепанные края
Из последних усилий, но
Держат цепкие острия
Грязно-серое полотно.

23

ДОРОГА

За окном проплывают
Лохматые ели,
Островки розоватые
Иван-чая.
Пассажиры к красотам
Давно охладели,
Утро новое
Чаем грузинским встречая.

Переводят часы
В полувнятной тревоге,
А я радуюсь,
Вечный переселенец,
Этим грустным полям,
Этой долгой дороге
Мимо рыжих стогов,
Мимо белых поленниц...

* * *

На дороге из Пензы в Тамбов —
Ни огней, ни столбов верстовых,
На дорогу из Пензы в Тамбов
Смотрит ночь из пролесков густых.

22

* * *

Природе недоступно мастерство.
Тщеславьем дух ее не возмутится.
От скучного покоя своего
Не в силах безоглядно отрешиться —
Природа.

Ей втыкают в горло кляп,
В глаза пускают дым
и крылья вяжут.
Природа — бессловесный жалкий раб,
Влачащийся туда, куда укажут.

У вещи память крепче и ясней —
В ней вечное и вещее начала.
Кипят животворящей смесью в ней
Восторг души
и прочность матерьяла.

Природе недоступно мастерство.
Томится дух
в доспехах плоти тленной.
Но вещь обратится вещество
И солнцем воссияет над вселенной.

24

* * *

Приезжай на пару дней —
Отдохнем недурно.
Будем бегать — кто быстрее —
По кольцу Сатурна.

На Уране окупнем
Телеса в арыке,
На Плутоне пожуем
Тамошней клубники.

На Нептуне посидим
С удочкой у речки,
На Юпитере съедим
Борщеца из печки.

А переживаний для,
Друг ты мой сердешный,
Есть красавица Земля,
Шарик многогрешный.

* * *

Пожалею кота Базилио.
За ушами его поглажу я.
Пусть споет мне бродяга песенку
О далеких чужих краях.
Промурлычет, как горе мыкал он
И в какие дома захаживал,
Как плясал на потребу публики
В затрапезных «Трех пескарях».

25

Нет, лжет поэт, упрямо объявляя
Себя владельцем звезд и райских куш.
Его поместье вне пределов рая —
Всегда бездомен он и неимуш.

КОСТРОМСКАЯ ЗИМА

В подъездах прячутся влюбленные.
Деревья — в белых кружевах.
У Спаса маковки зеленые
Побило холодом в «рядах».

Торговец дынями и перчиком
Мечтает, как бы невзначай
Нырнуть замерзшим углым птенчиком
К Сусанину под малахай.

Под гауптвахтными солдатами
Шуршит январская парча.
Скрипит воротами дощатыми
По-стариковски каланча.

От блеска-скрежета чертовского
Осатаневший хулиган —
Снежок — на лысине Островского
Воздвиг искрящийся тюрбан.

Зима-зима! Злодейка та еще!
И, не желая быть муллой,
Писатель смотрит умоляюще
На бабу снежную с метлой.

27

Как закапывал в ямку денежки,
А выкапывал прель да желуди,
Как кутузки менял на паперти
И урчал животом пустым...
Отдохни с дороги, котярушка,
Скинь свои сапоги тяжелые —
О морях расскажи коралловых
Зажиревшим свинкам морским.

* * *

Париж — Бодлера, Кострома — Бугрова.
У Джойса Дублин есть. У Белли — Рим.
Земля Принцессы Марты — Тишинкова.
И Галич — закреплен за Лапшиным.

Так после Тамерлановой кончины
Преемники, смеясь, делили мир:
Кромсали плодородные равнины,
Рядили, кому Киш, кому Кашмир.

Куда ни кинь — везде столбы да вёшки.
За них без дозволения хода нет.
И ты как будто виснешь на подножке,
Имея честно купленный билет.

Я в ночь гляжу с улыбкой изувера.
Быть может, в небе вотчина моя?
Вот светится карбункулом Венера —
Она пока что вроде как ничья.

26

* * *

Магазин «Самоков».
Футболист Балаков.
Меньше — долгих сроков.
Больше — честных браков.

Правда — в полный голос.
Дело — вместо слова.
Санаторий «Колос».
Музыкант Блинова.

Хоровод астральный.
День столетью равен.
Ресторан «Центральный».
Литератор Савин.

* * *

Танк Т-34
Перед Домом культуры.
Сюрреальные блики.
Футуризм. Эпатаж.
Рядом — три молчаливых
Крепко сбитых фигуры —
Вроде как на поверку
Выстроен экипаж.

Постояли немного,
Козырнули кому-то, —
Из тяжелой гранаты
Дружно тянут чеку.

28

Ввысь взлетают петарды
Винно-пенным салютом.
Канониры на взводе
И всегда начеку.

Это братство святое
Выше кланов и партий.
В соль головку редиски
И — хрустеть не дыша!
На зеленой станине,
На тактической карте
Банка скумбрии — диском
Запасным к «ППШ».

* * *

Уплывает земля из-под ног:
Скользок воздух в конце декабря.
Засыпаю в кафе «Василек» —
Пробуждаюсь в «Гнезде глухаря».

Я вчера забавлялся чайком
И слоёнкой хрустел, а сейчас —
То ль на сходе сижу воровском,
То ль на конкурсе пьяных гримас.

Чья-то лапа легла на плечо,
Мир — по полу растертый плевком.
В жирном рубенсовском харчо
Тонет мой васильковый веночек.

29

МАГАЗИН «ОСИРИС»

В магазине «Осирис» ничто не напомнит
Об угрюмом владыке загробного мира.
На прилавке —

пресервы, эстампы, тампоны,
Разноцветные кегли эдамского сыра.

За стеклом — целлулоидные георгины,
Но не в честь изумрудноликого бога.
Лишь в сверкающих банках
тугие маслины
На жуков-скарабеев похожи немного.

Здесь не держат достойный ответ наготове
Повергающей в ужас космической хляби.
Лишь пластмассовый пуп
в бумазейном алькове,
Словно статуя Ка Сенусерта в сердабе.

Здесь едва ли отыщется что-то такое,
Чем питается мысль о грядущем кошмаре.
Лишь коньячные звезды —
как в скорбном покое
Богоравной великой жены Нефертари.

Не напомнит ничто в этом сонном сусеке
Об угрюмом владыке загробного мира.
Только взгляд продавца
сквозь заштитые веки
Излучают, похоже, кусочки сапфира.

По-земному шуршат пелерины и юбки.
Где-то лампа жужжит беззастенчиво-нудно.
Только чек,
что весомо приложен к покупке, —
Как последний билет на последнее судно.

30

ЖЕЛТОЕ С РОЗОВЫМ

31

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Истина, рожденная вне спора.
Головная немощь Пифагора.

Хищный глаз богини из Урука.
Магия, мистерия и мука.

Скважина замка от подземелья.
Чаша расслабляющего зелья.

Космос, перечеркнутый Весами.
Лес ночной с глухими голосами,

Где давно живу я, как невольник.
Сон мой вечный, черный треугольник.

КОМЕТА ГАЛЛЕЯ

Городские шумы все вальяжней и тише.
Подостлав обрывок газеты,
Я сижусь с театральным биноклем на крыше,
Ожидаю подлета кометы.

«То-то в школе прочувствуют, —
думаю втуне, —
Что урок учу не по книгам».
Вот дождусь галактической этой шатуны
И в альбом зарисую мигом.

32

А пока наблюдаю огарки заката,
Двух мостов прогоны стальные.
Вот автобус ползет, обессилив, куда-то.
«Жигули» бегут озорные.

Хорошо как!
Напротив огни зажигает
Общежитие «Сельхозстроя».
Там в окне — вижу —
 девушка платье снимает,
А за ним — и все остальное.

Перед зеркалом крутится в образе Евы,
Элегантно меняет позы.
Одноклассники, неучи хреновы, где вы?
В астрономии столько пользы!

Окуляры и мысли кручу ошалело.
Где ты там, комета Галлея!
Вместо тела небесного женское тело
Зарисую в альбом себе я.

И так зябко,
 так радостно мне временами, —
Словно колокол звездный слышу.
Это машут призывно кометы хвостами.
Вечереет.
Пора на крышу.

33

Не боясь пролетарских ухмылок,
Тянет пиво, ладошку шлифуя
О квадратный напильник-затылок
Златозубого обалдуя.

Но меня ее шарм не обманет.
Тянет пиво венерина жрица,
А ее, истомленную, тянет
С этим раем постылым проститься.

А ее манит запах ольховый,
А ей руки шершавые сладки.
Я машу ей кепчонкой рублевой,
И кричу, и смеюсь, как в припадке.

Но ответом на жест мой широкий
Блеет козлик Саша Айвазов.
Обитатели джипов «Чероки»
Холодны к пассажирам «лиазов».

Эх, сейчас бы да врезаться в поезд!
Резь в мозгах, прополосканных крепко.
Там — велюр и ресницы по пояс.
Здесь — по-ленински сжатая кепка.

35

* * *

Рыжая смешная клоунесса,
Для меня твой подведенный рот —
Словно поясок кентавра Несса,
Словно под ребро вонзенный дрот.

Сердце ядовитая струя
Обращает то ли в уголь пророка,
То ли в средоточие порока,
Где бурлит слепая страсть моя.

Но едва отцеплен нос с резинкой,
Снят парик и смыт опасный грим —
Мое сердце тонко звякнет льдинкой
Под холеным пальчиком твоим.

НЕИЗВЕСТНАЯ

На автобусной задней площадке
Нравы до неприличья жестоки.
И, напротив, изящны повадки
Обитателей джипа «Чероки».

Там, в лиловом велюровом лоне,
Эту женщину вижу опять я —
С черной бровью в пикантном изломе,
С будоражающим вырезом платья.

34

* * *

Красный поручень автобусный —
Олимпийский мой турник.
Кулаки тысячетонные
К лапкам девичьим впритык.

Силуэты тают тонкие
За стеною дождевой.
Красный поручень автобусный,
Посох страннический мой.

* * *

Эта женщина в голубом —
Вся соблазн, огонь и порыв.
Я стою в восторге немом
Перед нею ни мертв, ни жив.

С высоты своей низойди,
Разбуди вздремнувшую страсть.
К несусветной твоей груди
Я хотел бы как сын припасть.

Мое сердце возьми в полон.
Мои деньги в распыл пусти.
Сможет твой плакатный вагон
От ненастья меня спасти.

36

Угости хорошим чайком,
Чтобы плотный парок — над ним.
Посидим рядком да ладком,
Задушевно поговорим.

И былой задор растеряв,
И поверив твоей слезе,
Нам споет на стыках состав
Что-нибудь из Жоржа Бизе.

* * *

Затрепанная книжица.
Билет автобусный — закладка.
К безрадостной развязке
Дело движется.
Все гадко.

Заснеженная улица.
Фонарь раскачивается мерно.
По улицам старик идет,
Сутулится.
Все скверно.

Неделю не распогодится.
В голове кошмарным сном тесно.
Похоже, все у нас с тобой,
Как водится,
Чудесно.

37

В багетах слабеньких дрожат
Гоген и Пикассо,
И где-то франт колдует над
Спустившимся колесом.

* * *

Георгины в саду какие!
Жаром тянет, словно от печки.
Позабудем слова пустые,
Помолчим чуть-чуть на крылечке.

В нежный локон совется волос —
На горячий намотан пальчик.
Где-то мой цветок — гладиолус.
Где-то твой цветок — одуванчик.

* * *

Селечная банка вместо люстры.
Химический искусан карандаш.
Вторую ночь пустую тещу блажь,
Штудируя реченья Заратустры.

Пришептываю синими губами,
А где-то там, у краешка земли,
Большие входят в гавань корабли,
Груженные парчой и жемчугами.

А где-то там, в жасминовом снегу,
Разнежась, отдыхает зверь счастливый,
И трогает клешнею краб пытливым
Твой смелый след на влажном берегу.

39

* * *

Ползет в прозор оконных рам
Весеннее тепло.
Листает старший лаборант
Гроссбух на семь кило.

Работа — бодрости гарант,
Но это все — потом.
Стреляет старший лаборант
Конфетным пузырьком.

А где-то студится питьё
И жарится шашлык.
А кто-то выбрит для неё
Опасной бритвой «Шик».

И дверца мощного авто
Открыта наперед.
И кто-то в твидовом пальто
Бордюр подошвой трет.

Минута — и умчится франт
В сиреневый туман.
Сминает старший лаборант
В комок квартальный план.

Ладонь ложится на бедро.
И раз, и два, и три —
Летит бумажное ядро
В актрису Самари.

38

У КАМЕЛЬКА

В пустой чулан запрет тоску
Безусый бог-пострел.
Подсяду ближе к камельку
Для неотложных дел.

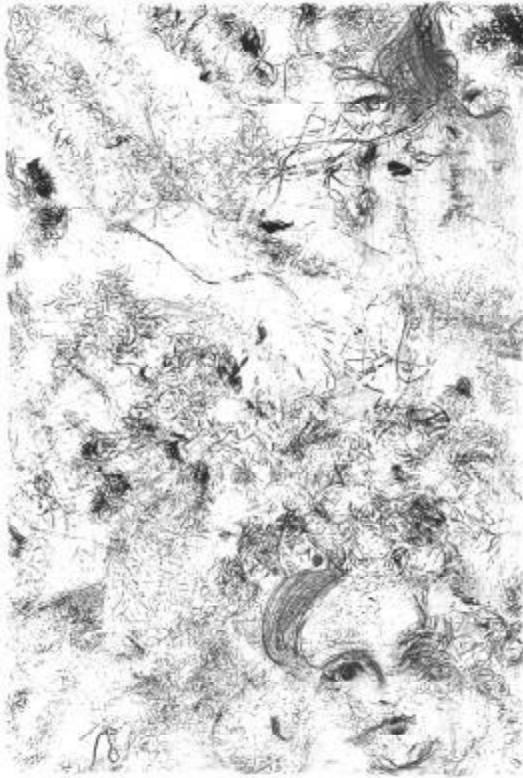
Трещат прозрачные дрова,
Куруется сладкий дым.
Плывет хмельная голова
По хлябям золотым.

Пока не срезала ее
Глумливо рыба-меч,
Я силюсь волшебство свое
В обыденность облечь.

Но вместо тапок и портьер
Совсем иной сюжет —
Из запредельных полусфер
Струится мягкий свет.

Уютно тлеет камелек.
Метель гудит в трубе.
Как от тебя сейчас далек —
Как близок я к тебе.

40

41

* * *

Стою как-то и вижу:
Что-то черт в мешке потащил.
Догнал.

Отобрал.

Развязал.

А оттуда мелким бисером —

Дыр

бул

щил...

* * *

Трубою хвост. Глазенки плутоваты.
Над ухом кем-то вырван шерсти клоч.
Засунув морду в брошенный чулок,
Пес нежные вдыхает ароматы.

Невидимых кадильниц пряный дым.
Восторг, проникший в закоулки сердца.
Смотрю с любовью на единоверца:
Одну богиню мы со зверем чтим.

43

* * *

Поэтические изыски.
Виртуознейшие виньетки.
Ярко-желтые рододендроны
На березовой черной ветке.

Щедрой россыпью недомолвки,
Многоточия и кавычки.
Золоченые прутья клетки,
Но за ними не видно птички.

Невротические капризы.
Поэтические изыски.
В честь геройски погибших мыслей
Многотонные обелиски.

МЕЧТЫ И ЗВУКИ

В белых ошейниках черные доги
Сидят грациозно у двери —
Слушают вальс композитора Доги
О нежном и ласковом звере.
Сейчас
Они вальс дослушают
И нас,
Безусловно,
Скушают.

42

СВАТОВСТВО МАЙОРА

Портьеры и персидский ковер
Глодают обрывки слов:
В передней крутит усы майор,
Герой тыловых боев.

Стучат ножи. Семейный хрусталь
Апрельский роняет звон.
В передней трет обшлагом медаль
Стареющий селадон.

Сегодня он подтянут втройне —
Как часто в своих ночах
Мечтал майор о юной жене
И вкусных домашних щах.

Хозяин шлет мальчика за «Клико» —
Мы тоже немножко знать!
Привык хозяин зрить глубоко —
Наметился дельный зять.

А та, к кому пришел офицер
Весомо сесть визави,
Хрустит каблучком
о разбитый фужер —
Ей нужно любви. Любви.

44

* * *

Теплый Стан.
Морозец — минус двадцать.
Борода сосулькой —
Черт те что!
Скоро полночь.
Время расставаться.
Теплый Стан.
Холодное пальто.

Белый пар
У форточек клубится.
Смотрит сны
Уставшая Москва.
Скоро полночь.
Время объясниться.
Теплый Стан.
Холодные слова.

* * *

От судьбы убежать не смогу.
Наст на солнце сверкает знакомо.
Не обрушился оттиск в снегу —
Жди невесту из царского дома.
Но небесные лиры молчат.
Не согреет зима и не спросит.
От примет открестясь, снегопад
Мое счастье заносит, заносит.

45

Что осталось сегодня и мне, и тебе?
Бесполезно искать виноватых...
И угодно же было злодейке-судьбе
Перепутать две цифры в датах.

1983.

* * *

Как сны и телеграммы полуночные,
Как ангелы, стремящиеся в ад,
Мне в голову горшки летят цветочные
И в танце мою голову кружат.

Вальсируют под музыку Свиридова,
Мешая щедро твист и менуэт.
Таких коленцев сроду я не видывал
И видеть не хочу еще сто лет.

Мольбы, упреки, просьбы, сожаления —
Обширен и глубок репертуар.
Отточенные плавные движения
Окрепших в ритуальной пляске пар.

Овации, восторги — все не вовремя!
Но я опять бисировать готов.
Цветами завалите с головой меня,
Но только, умоляю, — без горшков!

47

* * *

Разговор не спорится —
Все вокруг да около.
А когда-то, помнится,
Так сердчишко ёкало,

Сладкая бессонница
Кружево в окне плела —
Все когда-то, помнится,
Было — или не было?

* * *

Почему я родился не в тридцать шестом?
Так ли странно жалеть об этом?
Я был счастья лишен
ждать тебя под дождем
С белоснежным огромным букетом.

На случайной пирушке не мог танцевать
С тобою двадцатилетней,
И героем не мне суждено было стать
В одночасье рожденной сплетни.

Не пришлось по заслугам тебе оценить
Мой веселый и честный нрав —
О, я способ нашел бы
в момент приструнить
Ясноглазых твоих ухажеров!

46

ДЕВУШКА, ВЕШАЮЩАЯ ШТОРУ

Ты забралась на стул проворней кошки.
Я не успел свой долг исполнить — каюсь!
Во искупленье стул держу за ножки
И ножками твоими восхищаюсь.

* * *

Ненавижу все то, что за —
За пределом и за чертой.
Ненавижу твои глаза
И раскрашенный локон твой.

Не приемлю того, что вне —
Вне законов и аксиом.
Бесконечно противен мне
Бриллиант на пальце твоём.

Не терплю того, что вразрез.
Богомерзка мораль твоя.
Паутиной твоих словес
С головою опутан я.

По ночам стараюсь заснуть,
Но надежды мои пусты.
В сновиденьях все та же жуть
Ослепительной красоты.

48

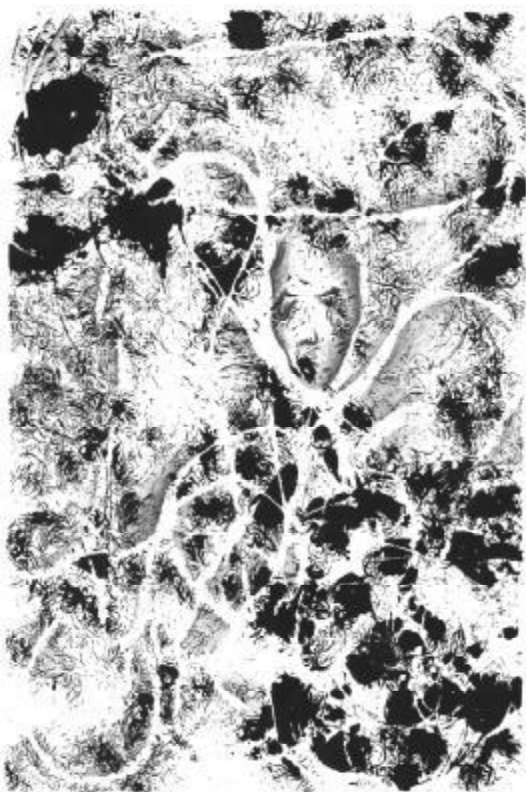
* * *

К поцелуям зовущая,
Вся такая воздушная,
Вся такая прозрачная,
В однобортном пальто.
Жаль, что время упущено,
Жаль, что сердце иссушено,
Жаль, что силы растрочены
Непонятно на что.

Я бы сделал вас донною
И царицей египетской,
Я бы бросил вам под ноги
Не один материк.
Но все предано-продано,
Но все съедено-выпито...
Вы решительно подняли
У пальто воротник.

Что сулит мне грядущее
Лицемерно-бездушное?
А ведь только вчера еще
Рядом с вами быть мог...
К поцелуям зовущая,
Вся такая воздушная,
Как вдали исчезающий
Паровозный дымок.

49

51

СТАРУХИ

Я встал бы на постой и у старухи —
Всего-то на ночь нужен мне приют.
Но знаю, по Москве гуляют слухи:
Старухи к постояльцам пристают.

Подсыплют в чай отравы.
Спать уложат.
А кто охоч особо до проказ —
Под лестницей сидят и кости гложут,
Стамеской извлеченные из вас.

Ах, слухи! Надоедливы, как мухи, —
Гудят, зудят и щиплют за бока.
Сниму я комнатку у старухи —
Старухи лет примерно сорока.

С ней ночью
за продуктом марки «Довгань»,
За шпротами и мощным холодцом
Под лестницей засядем мы надолго —
Неспешно поболтать о том, о сем.

50

ДЕНЬ ВАЛЕНТИНА

День Валентина — заморская сладость
Вроде батончика «Баунти»,
Жиденькая карамельная радость —
Блестки, амурчики, бантики.

Нет, не приемлет душа компромисса,
Жаждет она настоящего.
День Валентина в ночь Диониса
Мы обратим ненавязчиво.

Доброго Пана мохнатая лапа
Вылечит от косоглазия.
Здравствуй, счастливое утро Приапа,
Утро любви и согласия!

52

ЖЕЛТОЕ С РОЗОВЫМ

Ну и нашел себе милочку!
Болтлива, тонка, как спица.
Любит играть в бутылочку.
Любит к ней приложиться.

Слушает Машу Распутину.
От Шуфутинского млеет.
Незлобива по сути, но —
Бить посуду умеет.

Она носит желтое с розовым,
Скалится лошадино.
Ей что Розов, что Розанов —
Все, признаться, едино.

Сам не пойму, что дорого
Мне в моей Жозефине:
Может, ватрушки с творогом
Или пион в графине?

Может, барбос на привязи
Или бархат дивана?
Или наливка с привкусом
Огурца и тимьяна?

Сомнения — вещь полезная,
Только их все мне мало.
А она-то, болезная, —
Что во мне отыскала?

53

Болью своей, словно зимней прохладой,
Перебежит от менгира к менгиру,
Повелевая бездушной громадой,
Радость даруя граду и миру.

* * *

Я прикрою бледные ноги
И в усмешку упрячу плач.
Так, взволнован мыслью о Боге,
Опускает топор палач.

Дама в черном, не будь глупа,
Поплотнее сдвигает шторы,
И свои потупляет взоры
Огнедышащая толпа.

У заплаканной выпускницы
От волнения дрожит рука,
Вырывающая страницы
Из интимного дневника.

Так на солнце ползет стая тучек,
И нетрезвый факир в шапито
Так запахивает пальто
Для своих развеселых штучек.

55

* * *

Сидит на кашке мотылек,
Будя воспоминанья.
Вмурован мёртво поплавок
В речушку без названья.

Как глупо мы в порыве жить
Себя над миром высим.
Всех женщин не перелюбить.
Не написать всех писем.

* * *

В клубе людей с избыточным весом
Звуки, цвета и объемы кричащи,
Словно идешь баобабовым лесом
Или карнакской каменной чащей.

Я здесь чужая. По скользким паркетам
Тихо ступаю. Робею. Немею,
Осознавая, что в обществе этом
Должного веса пока не имею.

Если б — на чашу мое молодое
Сердце, пылающее любовью!..
Мощью своей превзойдет оно втрое
Всю эту рыхлую тяжесть слоновью.

54

СИНЯЯ БОРОДА

Синяя Борода —
Жуткий суженый мой.
Я не знаю, когда
Он вернется домой.

Снять с гвоздочка ключи
Не составит труда.
Где-то рядом в ночи
Ходит-бродит беда.

Полно потчевать страх —
Любопытство сильней.
Что в своих закромах
Прячет он, лиходей?

Не казни, вурдалак,
За минутный каприз.
Вверх по лесенке... Так!
Здесь налево.
Тут — вниз...

Бьет фонарика луч
По стене вкривь и вкось.
Щелкнул в скважине ключ.
Сердце вниз понеслось.

Что-то будет теперь!
Юс, фита или ферт?
Тихо скрипнула дверь,
А за нею — мольберт.

56

ИСКУССТВО ПОЛЕТА

57

СИНЕВА

Синева.
Небесная. Бесовская.
Синева.
Безудержная. Броская.
Бесполезны прочие слова —
Синева.

Здесь ответ
На все вам будет быстро дан.
Синий цвет —
Воистину он выстрадан.
Книги судеб светлая глава —
Синева.

Пусть молва
Идет по свету вздорная.
Синева,
Прозрачная, озерная,
Предъявляет прежние права —
Синева.

Синеву разбавляю слезами,
Синеву,
Что с утра под глазами.

59

* * *

Таинственные тени.
Волшебный полумрак.
Шатучие ступени
Куда-то на чердак,

Где луковицы сохнут
И слышен ветра гул,
Где в ключ скрипичный согнут
Скрипучий венский стул.

Где кипа старой «Нивы»
И с гирьками весы,
Где так неторопливы
Счастливые часы.

В дверь маленького рая
Протиснуться, войти —
Там вижу сам себя я
Ребенком лет шести.

На досках стыннут ножки,
Но — затаись, молчи!
Мерцает блик с обложки —
Рождественской свечи.

58

ФАМИЛЬНЫЙ АЛЬБОМ

Дождик уютно шуршит за окном —
Тихо листаю фамильный альбом.
Бархат зеленый хранит каждый вздох
В прошлое канувших славных эпох.

Пращур по матери — дед Епифан.
Избу-читальню держал для крестьян,
Позже тапёром служил в синема,
Позже сошел, говорили, с ума.

Дед по отцу — бакалейщик Борис.
Все состоянье пустил на актрис.
Дед Ферапонт воевал с Колчаком —
Умер от коклюша в тридцать седьмом.

Дед Афанасий — полярный герой.
В сорок втором отравился икрой.
Скромный бухгалтер — дед Николай.
В шестидесятом попал под трамвай.

Вот дядя Петя, любимый до слез, —
В семьдесят третьем объелся «колес».
Вот тетя Оля — по мужу Ля Мош.
Скоро пять лет, как сидит за грабеж.

Вот и я сам с волосами до плеч.
Сможет альбом мою юность сбересть.
Только пока не понятно вполне —
Доля какая выпадет мне.

60

КРЕСТЬЯНСКИЙ ТАНЕЦ

Г.Г.

На Бродвее Питер Брейгель и Питер Гэбриэл
Освидетельствуют заклятие агнца.
Все пристойно: очки,
 бумага с печатью гербовой,
Полицейский чиновник рядом и —
 рад стараться.

Где-то в прошлом кровавые войны
 поста с масленицей,
Эпохальные битвы сундуков и копилочек.
Под багровым дождем
 нам с тобою недолго маяться:
У старухи в руках вместо косы — обмылок.

Этот агнец — не лишний
 в скорбном перечне тысячелетия:
Полнозвучным аккордом
 повиснут последние стоны.
Изувер-Крысобою,
 на Христа замахнувшись плетью,
Станет парковым куросом,
 словно под оком Горгоны.

Нефтяные шлепки с крыльев своих
 отчистят ангелы,
Мимо пропасти ручейком протекут слепые.
В закромах
 у по фунту распроданной Англии
Вдруг отыщутся россыпи золотые.

61

* * *

Все тот же бесконечный нудный сон:
Иду вдоль незасыпанной траншеи —
Как маятник, качается на шее
Фамильный двухпудовый медальон.

Какому джазу этот маракас?
Гремят внутри святой Варвары мощи.
Табун березок неотмирно-тощих
Куда-то гонит пьяный козопас.

«Спаси!» — кричит. И падает во прах.
Кого он молит — я в недоуменье, —
Того ли, кто есть там, на небесах?
Меня ли, тоже ждущего спасенья?

* * *

Внуки Макара Девушкина,
Дети Юрия Деточкина,
Хватит стенаний дедушкиных
И папиных сигареточек.

С миром ступайте, вышедшие
Из гоголевской шинели, —
Не то чтобы шибко лишние,
А так — ни в уме, ни в теле.

63

В неурочное время на привязи воеет собака,
Привлеченная скрипом и топотом странным:
Питер Брейгель обкурено жмет
 на педаль гитарного «квака»,
Питер Гэбриэл в танце стучит
 башмаком деревянным.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ ЗМЕЙ

Сын внебрачный бога,
Заклинатель змей,
Поиграй немного
На дуде своей.

Позабавь нас зверем,
Что в мешке живет.
Поточнее сверим
Звезд неслышный ход.

Мы с тобой похожи,
Добрый чудодей.
Заклинаю тоже,
Но не змей — людей.

Души отвращаю
От обид и лжи.
В ветер обращаю
Сны и миражи.

На судьбу не ропщет
Удалец-халдей.
Выбрал что попроще —
Заклинает змей.

62

Карандышевы-Башмачкины.
Сахарные обмылочки.
Резиновые мячики.
Пробочки от бутылочек.

Судьбою с ума сведенные.
Смятые страстью ложною.
Униженные. Оскорбленные.
Маленькие. Ничтожные...

* * *

Низкий штaketник. Теннисный стол.
Ржавая вывеска «Овощи — фрукты».
Мелом расчерчен асфальт —
 словно вдруг ты
На полустанке знакомом сошел.

Возле скамьи — золотые шары.
В окнах —
 горшки неизменной герани.
Полузабытая радость игры.
Горные выси счастливых швамбраний.

64

65

* * *

Куда ж нам плыть... Плыдем
Во мгле тревожных лет.
Не вспыхнет маяком
Святого Эльма свет.

Летучих рыб косяк,
Как молния, — фьюить!
И снова страх и мрак.
Плыдем. Куда ж нам плыть...

* * *

Пахарь Арепо тянет свой плуг.
Топчет ногами мерзлую глину.
Вспаханы озеро, роща и луг,
Примется скоро ратай за трясины.

Рыбы уходят из гибнущих вод,
Звери скулят у гнезд разоренных,
В ужасе гады ползут из болот,
Птицы кричат в истерзанных кронах.

Врезаны тундра и океан,
Дикая сельва и город цветущий.
Стал бороздою меридиан,
Через Торжок и Хайфу идущий.

67

* * *

Давно те дни листвою отшелестели,
Когда мы без печалей и забот
Черемуху с церковной крыши ели
И на воду, резвясь, спускали плот.

И выдержав с корсаром поединок,
Приветствовали королей своих —
Валили к их ногам снопы кувшинок,
Как будто груды слитков золотых.

Доспехи, паруса и шум парада
Растаяли, как сон. Лишь иногда
Далекое блеснет нам Эльдорадо
Кувшинкой из заросшего пруда.

* * *

Несмелый первый снег
Присыпал зелень елей еле-еле.
Последняя лазурь
Увязла в серой вате облаков.
Чуть на ветру дрожат
Пустые позабытые качели —
На золотых цепях
Больших остановившихся часов.

66

* * *

Иной исход невозможен:
Вы, сударь мой, негодяй!
Взметнулись клинки из ножен —
Будет спасенному рай.

Прекрасны утечи знати.
Чудо — дворянская статья!
И площадь пуста к стати,
И гордость стати под статью.

Не так ли и мы порою
Свой учиняем гам,
Чьей-то крепкой рукою
Отхлестанные по щекам.

Но — в силу скверных привычек,
Поднаторевший в боях —
Прячется наш обидчик
От нас в паучьих углах.

Пустому отдавшись рвению,
Мы честь свою бережем,
Фехтуя с бесплотной тенью,
С облаком...

68

* * *

Борода еще не седа,
А полночный гам поутих.
Я считаю свои года,
Поражаясь, как мало их.

Будет много других потех.
Я тоску прогоняю прочь,
Ужасаясь, как много тех,
Чьи следы растворила ночь.

Шулер-век всем в итоге сдаст
Вместо золота серебро.
Борода еще не седа,
А уж бес —
тык да тык — в ребро.

* * *

Разум зажат в тисках
Маниакальной идеи:
Люди в круглых очках
Кажутся мне добрее.

Кротко глядят со стен
Берия, Леннон, Шарден...

69

* * *

Я сон смотрю,
как фильм в кинотеатре.
Беспорен операторский талант.
Живой восторг и слезы в каждом кадре:
Рябая полоса и черный кант.

Мерцает блик на платиновом зубе.
Механик тему вводит в пируэт.
Я жизнь смотрю,
как фильм в заштатном клубе,
Где выкрутили звук и цвета нет.

КРЫЛЬЯ

Довольно! Уже их без счета —
Тщедушных строений мечты.
Есть сила и жажда полета,
Есть крылья, но нет высоты.

Лежишь, словно сэндвич на блюде,
Пластмассовой сферой накрыт,
И слышишь, как звезды смеются,
Скатившись с привычных орбит.

Так злая судьба год от года
Свой острый крошит винегрет:
Есть солнце, простор и свобода,
Но крыльев спасительных нет.

71

ПЕСНЯ О ЦОКОЛЕ

Включили телевизор за стеной.
Летит за облака мотивчик бодрый.
А здесь,
в угрюмой комнате пустой,
В плафоне мутном, —
цоколь молодой,
Вздыхающий о лампе крутобедрой.

* * *

Страсти телевизионные!
Марианны и Сесилии
Бродят, солнцем утомленные,
По плантациям Бразилии.

Здесь Хуан с его капризами —
Там в дорогу сборы спешные.
Словно в ванну, в телевизор мы
Погружаем души грешные.

И нам в нос шибает пиццею,
И в глаза нам — мыльной пеною:
Джона потчует Патриция
Новой подлою изменою.

К стенке злой судьбой припертые
В будуаре стонут семеро.
Эх, им всем бы по наперсточку
Силы и смекалки северной!

70

* * *

«Неласков будет нынче май», —
Злорадствует прогноз.
Дожди, хоть шляпу выжимай,
И по ночам мороз.

Подскочат валенки в цене,
Фарфор и мармелад,
Откроют разум на Луне
И пиво запретят.

Признают вредным майонез
И, ежели не врут,
По трубам озеро Лох-Несс
В Сахару перельют.

Найдут под Вологодой скелет
Гренландского моржа,
Известный бросится поэт
С восьмого этажа.

Народ тревожат холода
И цены на шампунь.
А вслед за маем, как всегда,
Торопится июнь.

Могучий бас гремит вдали:
«Передаем прогноз.
На территории Земли
Туман, дожди, мороз».

72

* * *

Такая судьба —
Полет и угар,
С профтравмами
Канатоходца в цирке.
Или —
Словно слепой экземпляр
Из-под стократ
Пробитой копирки.
Там найдется, где
Даже черкнуть стихи.
Но уместней на нем
Возвести приговорок
Из фантиков,
Семечной шелухи
И мандариновых корок.

* * *

На сто частей распилен дом
Ножовками смычков.
Часы — хороший метроном
Для скрипачей-сверчков.
По радиаторным бежит
По ребрышкам костыль.
Тяжелой тубою гудит
Аптечная бутылка.
И я охотцы не сдержу.
Свой тон найду в игре:
«Собачий вальс» изобразю
На бельевом шнуре.

73

* * *

Время стать велеречивей и скучнее,
Не до дружеских пирушек мне теперь.
Под окном свернулась в кольца
батарея —
Надоедливый холоднокровный зверь.
Дадаистские узоры на гардине.
Атмосфера давит к полу потолок.
Словно ключник в полутемном равелине,
Веком тыкаюсь весь день
в дверной глазок.

Моя музыка — кастрюльное железо.
Моя пища — залежало-черствый стих.
Мое платье — благородная аскеза,
Тошнотворная планида всех святых.

Тесно в этом облаченье паутином.
Под колючий душ вощёной грушей лоб.
Пусть в окно летит
реликтовым пингвином
Припасенный в уголку лиловый гроб.

Кляп для милой
смастерю из капюшона.
Заложу заряд под стену громовой.
Обменяю волю прочного донжона
На опасную неволю быть собой.

74

* * *

До свиданья, аллигатор!
Покидаю отчий кров.
У судьбы в руках секатор
Для надломанных сучков.

Над брусничным логом — тучи
Обнаглевшей мошкары.
Зажигаются на круче
Людоедские костры.

До свиданья, аллигатор.
Горевать о том тебе ль!
Позади хмельной экватор
С опущением в купель.

Зверь зеленый, мы в расчете.
Может, свидимся потом
В теплом пойменном болоте
Или в море штормовом.

АЛЬПИНИЗМ

На мохнатом красном ковре,
В потускневшем чуть серебре, —
Как познавший битву кинжал,
Электрогитара «Урал».

76

75

Подоконник, как пьедестал
Тем, кто от тоски убежал.
Под ногою ландыш увяз
В лужице портвейна «Кавказ».

Рама музыкально скрипит.
Город обновил колорит.
Над его дымами встает
Солнце гималайских высот.

ГОСПИТАЛЬ

Госпиталь. Полупогост. Застенок.
Галерея стрельчатых окон.
Временами слышно из-за стенок
Лязганье металла, кашель, стон.

Скрип дверей. Стук ложечки о блюде.
Простыни и помыслы чисты.
Мошкаррой перед глазами вьются
Черные и красные кресты.

Полночь. Одиночная палата.
Ни души, ни тела не спасти.
Мне в мешок умершего аббата
Сил уже не хватит заползти.

77

* * *

И.К.

Танцор-звезда во славу Бога
Приносит свой высокий лоб
В прохладу пышного чертога
И в суматошный жар трупоб.

Там начинает свое дело:
Втолковывает не спеша,
Что, дескать, главное — не тело,
Что во сто крат важней душа.

Что прежде чем моря и сушу
Держать заносчиво в руке,
Необходимо эту душу
Пообточить на оселке.

Толпа словам не рукоплещет —
Постановляет, рассудив,
На осязаемые вещи
Направить дружно свой порыв.

Останься, строящий плотину!
Уйди, лепечущий стихи!
За нож, ему вонзенный в спину,
Другие спишутся грехи.

Но неприкаянно и смело,
Наветы тяжкие круша,
Летит, разбив оковы тела,
Освобожденная душа.

79

Кто-то треплет руку у запястья.
Топот. Голос: «Шприц! Адреналин!»
Запах тмина. Блеск седых вершин.
Ощущенье холода и счастья.

* * *

Из меня не вырастет лопух.
Даже если это и случится,
Будет привередливый мой дух
Флорою овражной тяготиться,

Улетит в рассветный белый дым,
Обманув доверье стражей сонных,
И жилищем сделает своим
Ароматный флокс или подсолнух.

* * *

В небесах, словно саблей
изрубленных,
Одинокий огонь зажигается:
То душа чья-то сирая мается —
Недовысказана, недолюблена.

78

БАТАЛЬНОЕ ПОЛОТНО

Сотни достоинств гнездятся во мне
и сотни пороков.

Фиги в карманах — не стиль
шебутных постояльцев моих:

Есть у пороков к достоинствам
сотни упреков,

И у достоинств к порокам
немало придирок пустых.

Вздорят, язвят,
разрывают друг друга на части,

Тщетно пытаются
волчий унять аппетит.

С трепетом жду я,
когда же улягутся страсти,

Кто в этой сваре
в конце концов победит.

Пытки, расстрелы и прочее —
сплетни досужьи,

Но в нарушение всех резолюций ООН
Вновь устрашающе-грозно

бряцает оружие:
Щедрой рукой я его поставлял

для обеих сторон.

80

Не разберу по сей день,
где враги, а где наши,
А вдалеке уже явственно
слышится пушечный гром —
Из черепов побежденных заздравные чаши
Ждут наполнения
крепким кровавым вином.

Трубы трубят.
Знамена развернуты к бою.
Рать оцетинилась грозно
клинками на рать.
Злобных вояк,
ослепленных своей правотою,
Пуля да штык лишь, похоже,
сумеют унять...

Холод, окопная грязь,
вероломство и голод —
Много, как водится, лжи
понапишут об этой войне.
Правдою будет лишь то,
что в разрушенный город
Въехала тихо Любовь на белом коне.

81

* * *

Заведу свою старую «Победу»
И победно по городу проеду,
Издавая рокочущие звуки,
Сотрясая колодезные люки.

Лягут пусть
под протекторы «Победы»
Пересуды, сомнения и беды.
Пусть разгонит
клаксон гудком могучим
Надо мною сгустившиеся тучи.

Я «Победу» веду шестые сутки,
Объезжая столбы и предрассудки,
Нарушая канон житейской драмы,
Аккуратно обруливаю ямы.

Под капотом нет всяческого вздора
Вроде шлангов, прокладок и мотора.
Вместо них есть веселье и отвага.
Не сбавляй оборотов, колымага!

82

* * *

Пора поставить точку в долгом споре
О резвости мустанга и осла.
Мне ясен смысл зеноновых апорий:
Мои стихи — недвижимая стрела.

Любуйтесь живописным опереньем,
Цените наконецника огран —
Оружия, не взнузданного рвеньем
Пробить с излету чей-нибудь тюрбан.

Затёсов и мишеней сладким зовом
Стрела моя не сведена с ума,
И потому на фоне бирюзовом
Отличная мишень — она сама.

Уставши ие томить свой гнев в неволе, —
Пусть ив его пращой в мою стрелу,
Вы причините ей не больш е боли,
Чем камеш ком разбитому стеклу.

83

Алексей Вячеславович Зябликов родился в 1963 году в г.Костроме. После окончания средней школы учился в педагогическом институте, служил в армии, работал учителем русского языка и литературы. В настоящее время — преподаватель кафедры культурологии Костромского государственного технологического университета. Кандидат исторических наук. Член Петровской академии наук и искусств. Автор более 20 научных публикаций.

Стихи Алексея Зябликова печатались в местных изданиях, в том числе в журнале «Губернский дом», альманахе «Кострома». В 1995 году в серии «Литературная Кострома» вышла в свет его первая книга «Стоеросовый лес». Участник областных творческих семинаров, 25-го Всероссийского Фатьяновского праздника поэзии и песни в городе Вязники в 1998г.

84

В КАЧЕСТВЕ ПОСЛЕСЛОВИЯ

Когда одного моего знакомого художника упрекнули в эклектичности, он парировал: «А чего вы хотите?... Конец двадцатого века». Мол, все уже было, все испробовано, все смешалось.

С ощущением конца века (если уж не конца света) и живем: художники, педагоги, слесари, домохозяйки, бизнесмены, поэты, студенты, безработные... Одни подобное ощущение пробуют выразить словом (не всегда получается), другие — пьяным бормотанием, у третьих оно выливается в молчаливое одиночество на краю звездного неба.

Есть ощущение конца века и у поэта Алексея Зябликова. Свое, глубоко индивидуальное. Не случайно Алексей, преподаватель кафедры философии технологического университета, кандидат исторических наук и т.д., в своем творчестве постоянно обращается к истории ВСЕЙ цивилизации, доставшейся (как бы это громко ни звучало) ему как человеку Земли.

Наткнувшись на строки в рукописи нового сборника «Искусство полета» (первый сборник «Стоеросовый лес» был выпущен писательской организацией в 1995 году в серии «Литературная Кострома»): «До исхода Пятого Солнца остается пятнадцать лет», поневоле тянешься к справочной литературе. Но — выхватываешь только частицу сути, ибо надо успеть перепроверить: комету Галлея, Ка Сенусерта в сердабе, поезд на Чаттанугу... А тут еще и Переплютово озеро, и коралловый риф Лайсан... Хорошо Юрию Сенкевичу — он с Туром Хейрдалом плавал, а я...

Высоколобость, эклектичность, рафинированность... Подобные упреки в адрес поэта Алексея Зябликова могут прозвучать. И как редактора

что-то может не до конца устраивать. Ведь еще Пушкин говорил, что поэзия должна быть простоватой. Однако оглядываюсь — а сам-то... Возможно, и в моих сборниках кто-то с раздражением наткнется на «пшеров брейгелей», стегозавров и кистеперых рыб, обитающих (эклектика!) в костромской речке Ключевке. Тот же «конец века» (если уж не конец света), когда — все было, все испробовано, все смешалось. Понимаю, что это — беда. Беда — моя, Алексея, наша общая. Ведь историки подметили закономерность: великие начинания редко совершаются на закате века.

Даже эти мои строки — попытка «уйти от жанра» (опосредованный стыд за то, что все уже было). Предполагалось: послесловие от редактора. Но сборник (надеюсь) прочитан, свое мнение — составлено... Единственным оправданием того, что я «взялся за перо» может быть «внутрицеховая» заинтересованность: не пропустите новое имя — приглядитесь, прислушайтесь.

Поэзия Алексея Зябликова не нуждается ни в защите, ни в толковании. Однако есть в ней некоторая уязвимость — и с точки зрения поэта-традиционалиста, и с точки зрения приверженца авангардного направления в поэзии, литературного ниспровергателя. Предвидя критические замечания, Алексей выводит формулу своего творчества, дает как бы код для его понимания: «Мои стихи — недвижная стрела». А еще он добавляет: «Как монета на рельсе, предвкушающая тяжесть состава, ожидаю вашего комментария к комментариям».

Алексей Зябликов (возвращаясь к теме авангарда и традиции) — сам выходец из рок-культуры, из музыкального андеграунда. Остались пристрастия, эрудиция, музыкальный вкус... Но

85

86

внешнее, призванное эпатировать, в самом Алексее, думаю, как бы отмирает. И дело не только в возрасте, заставляющем даже «битлов» и битломанов превращаться в добропорядочных граждан. Опыт земной жизни. Этим, по-моему, все сказано. Если ты прожил отпущенные тебе годы «вне земли», интересуясь только (прошу прощения за сленг) «прикидом», «музонами» и «фенечками» в обществе панкующих хиппи либо хиппующих панков, то о чем, «вне-земной человек», нам с тобой говорить?... Думаю, эволюция взглядов Алексея Зябликова имела вполне определенные ориентиры: добра и зла, света и тьмы... Гуманизм (при всей неоднозначности в толковании этого слова) — тоже ориентир. Мне кажется, творчество Алексея Зябликова несет в себе именно светлое, гуманистическое начало. Как редактора при работе над вторым сборником (где во многом были учтены пожелания автора) меня успокаивало и удерживало от правки одно: это — все еще начало творческого пути. И недаром ирония Алексея сочетается с постоянной самоиронией. Не переоценивая свое творчество, Алексей Зябликов, однако, уверенно ведет себя в любой поездке, в любой аудитории. Достоинство представлен он и на страницах изданий, выпущенных в последние годы Костромской писательской организацией.

Послесловие мое — тоже всего лишь опыт, как бы выразился сам Алексей, «экзерсис». Смею надеяться: другого поэта (если будет в том необходимости) я постараюсь представить иначе, лучше, профессиональней.

Позвольте на этом расстаться.

Евгений РАЗУМОВ

87

Содержание

От автора	3
«Слушай, как падает снег...»	4
«Душа тоскует. Требует полета...»	4
Эпоха «Запорожцев»	5
«Словно в лузу, Земля несется...»	6
«Вздремните часок...»	6

ПЕРЕПЛУТОВО ОЗЕРО

«Полночь. Полусонный вздох Земли...»	8
Луна	8
«Свой край упрятала луна...»	9
«Пар над озером нежно-розовый...»	9
«Ночь завершает свои издевательства...»	10
«Полдень июльский. Дурман и экстаз...»	11
Веселки	12
«Я в библиотеке поселковой...»	13
Танцы в клубе	14
«Это вам не чикагские скверики...»	15
«Когда соберутся снегири и удои...»	16
«Спаси меня от страшных снов...»	17
«Форточка настезь открыта...»	17
«Уедем, милая, туда...»	18
«Туговат воротник. Вот-вот...»	20
«Вокзал — волшебное место...»	21
«Густая станционная сирень...»	21
Дорога	22
«На дороге из Пензы в Тамбов...»	22
«Природе недоступно мастерство...»	24
«Приезжай на пару дней...»	25
«Пожалею kota Базилио...»	25
«Париж — Бодлера, Кострома — Бугрова...»	26
Костромская зима	27
«Магазин “Самоков”...»	28
«Танк Т-34...»	28
«Уплывает земля из-под ног...»	29
Магазин «Осирис»	30

88

ЖЕЛТОЕ С РОЗОВЫМ

Черный треугольник.....	32
Комета Галлея.....	32
«Рыжая смешная клоунесса...».....	34
Неизвестная.....	34
«Красный поручень автобусный...».....	36
«Эта женщина в голубом...».....	36
«Затрепанная книжица...».....	37
«Ползет в прозор оконных рам...».....	38
«Георгины в саду какие!...».....	39
«Селечная банка вместо люстры...».....	39
У камелька.....	40
«Поэтические изыски...».....	42
Мечты и звуки.....	42
«Стою как-то и вижу...».....	43
«Трубою хвост. Глазенки плутоваты...».....	43
Сватовство майора.....	44
«Теплый Стан...».....	45
«От судьбы убежать не смогу...».....	45
«Разговор не спорится...».....	46
«Почему я родился не в тридцать шестом?...».....	46
«Как сны и телеграммы полуночные...».....	47
Девушка, вешающая штору.....	48
«Не ненавижу все то, что за...».....	48
«К поцелуям зовущая...».....	49
Старухи.....	50
День Валентина.....	52
Желтое с розовым.....	53
«Сидит на кашке мотылек...».....	54
«В клубе людей с избыточным весом...».....	54
«Я прикрою бледные ноги...».....	55
Синяя Борода.....	56

89

«Таинственные тени...».....	58
Синева.....	59
Фамильный альбом.....	60
Крестьянский танец.....	61
Заклинатель змей.....	62
«Все тот же бесконечный нудный сон...».....	63
«Внуки Макара Девушкина...».....	63
«Низкий штакетник. Теннисный стол...».....	64
«Давно те дни листвою отшелестели...».....	66
«Несмелый первый снег...».....	66
«Куда ж нам плыть... Плыдем...».....	67
«Пахарь Арепо тянет свой плуг...».....	67
«Иной исход невозможен...».....	68
«Борода еще не седа...».....	69
«Разум зажат в тисках...».....	69
Песня о цоколе.....	70
«Страсти телевизионные!...».....	70
«Я сон смотрю...».....	71
Крылья.....	71
«Неласков будет нынче май...».....	72
«Такая судьба...».....	73
«На сто частей распилен дом...».....	73
«Время стать велеречивей и скучнее...».....	74
«До свиданья, аллигатор!...».....	76
Альпинизм.....	76
Госпиталь.....	77
«Из меня не вырастет лопух...».....	78
«В небесах, словно саблей изрубленных...».....	78
«Танцор-звезда во славу Бога...».....	79
Батальное полотно.....	80
«Заведу свою старую “Победу”...».....	82
«Пора поставить точку в долгом споре...».....	83
Об авторе.....	84
Евгений РАЗУМОВ. В качестве послесловия.....	85

90

Алексей Вячеславович
Зябликов

ИСКУССТВО ПОЛЕТА

Издания Костромской писательской организации осуществляются в связи с принятой региональной программой изучения русской литературы.

За справками обращаться по адресу:
156005, г.Кострома, пл. Конституции, 1.
Костромская писательская организация.

Общее и художественное
редактирование — М.Ф.Базанков
Редактор — Е.А.Разумов
Рисунки — Л.Смирнова
Техническое редактирование, компьютерный
набор и оригинал-макет — А.М.Базанков

Издание осуществлено при участии
Костромской областной администрации

Сдано в набор 16.05.98г. Подписано к печати 24.07.98г.
Заказ № 2862. Печать офсетная. Объем 2,75 п.л. Тираж 1200 экз.

Отпечатано в областной типографии им. М.Горького
управления по делам печати и массовой информации
администрации Костромской области,
г. Кострома, ул.П.Щербины,2.

Для заметок